

Если говорить о нашей группе, то мы проделали долгий путь и наткнулись на дороге на чайный павильон. Цзян Чэн поднял руку, призывая сделать остановку и немного отдохнуть. К ним подошел пожилой мужчина и принялся подливать чай, а Цзинь Лин спросил: — Уважаемый, подскажите, далеко ли еще до горы Линъюй?

Старик замер на секунду, окинул всех оценивающим взглядом, и его лицо озарилось широкой улыбкой.

Ой, так вы же заклинатели! — восторженно воскликнул он. — Наверное, пожаловали, чтобы избавиться от нечисти? Теперь-то деревня Юйлин спасена...

Старик затянул долгий рассказ о прошлом горы Линъюй. Оказывается, эта гора славилась обилием природной духовной энергии, из-за чего в ее недрах зародилось немало горных духов и чудовищ-демонов. Поскольку путь самосовершенствования для этих созданий был тернист, они вовсе не стремились докучать людям, тем более что густые испарения камфары в глубине горы служили для них надежным защитным барьером.

Правда, находились и нечистые на руку заклинатели, которые пытались промыслить охотой на чудовищ-демонов ради их ядер демона, чтобы собственные силы возросли, но все они бесследно сгинули — что уж говорить о простых смертных.

Со временем в гору перестали соваться. Обитатели горы Линъюй и внешний мир жили своими жизнями, не пересекаясь, и долгие годы все было мирно и спокойно.

Деревня Юйлин приютилась как раз у подножия горы Линъюй. Опираясь на соседство с лесом, она считалась селением охотников.

Но недавно несколько сельчан отправились в горы на промысел и пропали без вести. Когда соплеменники отыскиали их, те уже тронулись рассудком: на любые вопросы лишь тупо застывали на месте и твердили одно и то же: Не знаю, я ничего не знаю...

Это так перепугало остальных жителей, что в гору больше никто не совался. Однако даже при том, что туда не ступала нога человека, жуткие события не прекратились. Стоило крестьянам запереться по домам, как с наступлением каждой ночи кто-нибудь из них все равно попадал под чье-то влияние. Днем пострадавшие вели себя совершенно нормально: ели, трудились, ничем не отличаясь от остальных, но стоило им уснуть, как с первыми лучами рассвета их взгляды мертвели, на лицах застывало тупое выражение, и они вновь начинали повторять этот пустой, бессмысленный вопрос самому себе. Деревню охватил всеобщий страх — никто не знал, кто окажется следующим безумцем.

Цзинь Лин переглянулся с Цзян Чэном, бросил на стол серебро и тут же поднялся, увлекая нас за собой. До заката мы успели добраться до въезда в деревню Юйлин. Глядя на пограничный камень у деревенской околицы, Цзян Чэн обернулся ко мне, и в его голосе прозвучало не терпящее возражений напутствие:

В деревне не шастай где попало и без нужды носа из дома не высовывай.

Знаю, знаю, — покорно отозвалась я.

В этот момент сбоку к ним приближалась целая процессия. Во главе шли двое: один — в белоснежных академических одеждах с облачным узором, другой — в черном одеянии, державшийся непринужденно и свободно. Разве это не Лань Ванцзи и Вэй Усянь? Следом за ними неотступно шли Сычжуй, Цзин И и adeпты ордена Лань.

Цзинь Лин шагнул им навстречу и отвесил поклон:

Ханьгуан-цзюнь.

Затем он перевел взгляд на Вэй Усяня. Хотя в глубине души он уже признал этого новоявленного старшего дядю, произнести это вслух оказалось выше его сил, и он долго запинался, выдавливая из себя нечто вроде... Вэй...

Со стороны на это было больно смотреть — вечно этот Цзинь Лин такой гордый и заносчивый.

Я исподтишка разглядывала двоих мужчин. Что и говорить, в былые времена они занимали первые строчки в списках прославленных молодых господ знатных семей: брови Вэй Усяня выражали дерзкую, удалую красоту, от всего его облика веяло неукротимой жизненной силой, тогда как Лань Ванцзи отличался холодной, отстраненной чистотой, его гордый и независимый дух словно возвышался над земным миром. Цзян Чэн тоже хорош собой, но его красота — острая, пронзительная, с ледяным блеском. У каждого из троих свой неповторимый нрав, а внешность и склад такие, что появись они в современном мире, они бы с легкостью затмили любых звезд с экранов.

Лань Ванцзи и Цзян Чэн хранили молчание, по их лицам невозможно было прочесть ни единой эмоции, а Вэй Усянь, скрестив руки на груди, с полуулыбкой разглядывал Цзинь Лина.

Пауза затянулась. Цзинь Лин до побеления костяшек сжал рукава, уши его густо покраснели, и наконец он выдал из себя сквозь зубы:

Старший Вэй.

Сычжуй и Цзин И за спиной Лань Ванцзи синхронно сложили руки в поклоне перед Цзян Чэном:

Приветствуем Цзян Цзунчжу.

Цзян Чэн кивнул. Затем он бросил на Цзинь Лина пренебрежительный взгляд: вот же

ничтожный сопляк! Втайне вечно только и твердит об асула-дядюшке Сяне, а при встрече смутился так, что растерял всю смелость — сплошное разочарование.

Цзян Чэн шагнул вперед, сложил руки в приветствии и глухим голосом произнес:

Приветствую старшего брата по учебе.

Присутствующие едва не попадали от удивления. Цзян Чэн, Цзян Цзунчжу, известный своим острым языком, взрывным нравом и прозванный Рукой Трёх Ядов — что с ним стряслось? Неужели в него вселился Злобный дух? Даже я опешила. Неужели Цзян Чэн сегодня с утра объелся каких-то не тех таблеток?

Вэй Усянь и вовсе отшатнулся назад, прячась за спину Ланя Ванцзи. Во взгляде его читалась настороженность, а язык заплетался:

Ц-Цзян Чэн, с чего это вдруг такая вежливость? Какую гадость ты снова замышляешь?

Окинув всё вокруг испуганным взглядом, он поспешно уточнил:

Ты ведь не притащил с собой Сяньцзы, надел?

Цзян Чэн одновременно злился и забавлялся такой реакцией. Злил его тот факт, что в минуту опасности первым инстинктивным движением Вэй Усяня было спрятаться за спину Ланя Ванцзи — и это после того, как ради него Цзян Чэн с самого детства отослал из дома всех собак и добрых полтора десятка лет отгонял их от него.

Забавляло же то, что Вэй Усянь, проживший две жизни, оставался ровно таким же паническим трусом перед собаками. На словах он вроде бы отпустил прошлое, но привычки въелись слишком глубоко, и их уже не изменить.

Цзян Чэн сделал шаг вперед, Лань Ванцзи, прикрывая Вэй Усяня, тоже подался назад, а лицо Цзян Чэна слегка потемнело:

Мы всего лишь собрались переброситься парой слов со старшим братом, к чему такая осада?

Лань Ванцзи сохранял бесстрастное выражение лица и на выпады Цзян Чэна никак не реагировал. Вэй Усянь же, заметив это, выпрямился из-за чужой спины, хлопнул Ланя Ванцзи по плечу и ободряюще бросил:

Не переживай, всё в порядке.

Он подошел к Цзян Чэну с виноватой улыбкой:

Цзян Чэн, от такой внезапной любезности у меня мурашки по коже.

Брови Цзян Чэна взлетели вверх, и язвительная натура тут же дала о себе знать:

Что, нагулялся на чужбине так долго, что забыл, где твои корни? Или решил возродить былую славу Старейшины Илин и основать собственную секту заново? И ради этого бросить Юньмэн?

Заметив, что язык Цзян Чэна снова принялся жалить, а атмосфера между ними вновь накаляется, я поспешно шагнула вперед, чтобы разрядить обстановку:

Вы, должно быть, брат Вэй и брат Лань? Я столько слышала о вас, поистине лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Брат Вэй, вы и впрямь обладаете столь выдающейся осанкой и безграничной удалью, а брат Лань — и вовсе несравненной красотой и чистейшим благородством...

Я быстро перебирала в памяти все известные мне хвалебные эпитеты, выкладывая их один за другим, пока глаза Вэй Усяня не сощурились от удовольствия, а на губах не заиграла широкая улыбка. Лицо Ланя Ванцзи осталось прежним, лишь уголки губ едва заметно дрогнули в легкой улыбке.

Вот только лицо стоявшего рядом Цзян Чэна темнело с каждым словом, и он холодно бросил:

Су Цин, не припомню, чтобы ты отличалась такой обходительностью, раз при первой же встрече направо и налево раздаешь обращения брат.

Я склонила голову набок и лукаво подмигнула, намеренно подзадоривая его:

Хотите, и вас назову братом Цзяном?

Цзян Чэн вспыхнул до корней волос и прикрикнул:

Баловство!

Тут же выскочил Цзинь Лин:

Я против! Если назовешь дядюшку братом, кем же ты тогда мне приходишься? Старшей родственницей?

Я похлопала Цзинь Лина по плечу, успокаивая:

Не усложняй ты так с этими старшинствами, Цзинь Лин. Ты зови как привык, а я буду звать по-своему.

Вэй Усянь рассмеялся:

Цзян Чэн, где ты только откопал такую занятную девчонку?

Цзян Чэн уже собирался что-то ответить, но я перебила его первой:

Меня зовут Су Цин, я кухарка Цзян Цзунчжу.

Уставившись на потемневшее лицо Цзян Чэна, Вэй Усянь усмехнулся еще веселее и, переводя взгляд на меня, поинтересовался:

Су Цин, ты только что расхваливала нас с Лань Эрм, так скажи мне на милость: кто красивее — мы или Цзян Чэн?

Я украдкой скосила глаза на стоявшего рядом Цзян Чэна. Встретившись взглядом с его ледяным выражением лица, я мгновенно стерла с губ улыбку, мысленно фыркнув: пусть Цзян Чэн и писанный красавец, но вечно ходит с такой кислой миной, будто все вокруг ему должны, ни капли дружелюбия, совершенно не умеет быть милым. После этого я повернулась к Вэй Усяню и лучезарно улыбнулась:

Вы оба красивее.

Цзян Чэн аж заскрежетал зубами от злости:

Су Цин...

Лань Ванцзи молча наблюдал за тем, как Цзян Чэн в этот момент безуспешно пытается сдержать ярость, а его вечно бесстрастные губы тронула едва заметная улыбка. Цзян Чэн годами правил Юньмэном, и слава Руки Трёх Ядов наводила ужас на все кланы заклинателей — кроме глав других орденов-соседей, никто и никогда не осмеливался так открыто подшучивать над ним или перечить. А эта новенькая девчонка-кухарка оказалась на редкость занятой.

Я ни капли не испугалась его показного гнева. За полтора с лишним месяца общения, да плюс к тому багажу знаний, что я вынесла из чтения романа, я отлично усвоила: у Цзян Чэна язык острый, да сердце мягкое, как бы грозно он ни злился снаружи, по-настоящему обижать меня он никогда не станет. Я придвинулась ближе к Вэй Усяню и понизила голос до шепота:

Брат Вэй, на самом деле Цзян Цзунчжу все это время тосковал по вам. Я часто ношу ему в

кабинет сладости и несколько раз заставляла его за тем, как он сидел и отрешенно смотрел в пустоту на ваши старые вещи, оставшиеся с юношеских лет...

Вэй Усянь дрогнул, и в нем словно вновь проснулся тот прежний человек — да и Цзян Чэн оставался всё тем же Цзян Чэном, прячущим истинные чувства за маской равнодушия.

Цзян Чэн, я ничего не забыл. Просто не осмеливался вернуться, не знал, как смотреть тебе в глаза, ведь старшая шицзэ погибла из-за меня...

Цзян Чэн оборвал его упреки:

Хватит, все уже прошло. Теперь в клане Цзян остались только мы вдвоем, неужели у тебя хватит духу бросить меня в Пристани Лотоса в одиночестве и тоске?

А как же Цзинь Лин? Он так юн, а на его плечах уже лежит вся ответственность за судьбу клана. Разве твое сердце стерпит оставить его одного?

При упоминании старшей шицзэ сердце Вэй Усяня сжалось от боли. Цзинь Лин — единственный ребенок шицзэ, допустить, чтобы с ним что-то случилось, он не имел права, и потому торопливо пообещал:

Нет.

Взглянув на Цзян Чэна твердым взглядом, он добавил:

Ни за что. Цзинь Лин не один, у него есть ты, и есть я, мы непременно защитим его. После того как разберемся с нечистой, я вернусь с тобой.

Стоявший рядом Лань Ванцзи невольно выдохнул:

Вэй Ин.

В его голосе слышался едва уловимый оттенок тревоги.

Конечно же, Лань Ванцзи волновался: он с таким трудом уговорил Вэй Усяня отправиться вместе с ним в Гусу, а стоило им лишь пару раз перекинуться словами со встреченным Цзян Чэном, как Вэй Усянь тут же готов сломя голову бежать обратно в Юньмэн.

Вэй Усянь обернулся к Лань Ванцзи и мягко произнес:

Лань Чжань, Юньмэн — это тоже мой дом, я в любом случае должен вернуться туда, чтобы

почтить память дяди Цзяна и госпожи Юй.

Услышав эти слова, Лань Ванцзи успокоился. Верно, Вэй Ин вырос в Юньмэне, и Цзян Фэнмянь относился к нему как к родному сыну — по всем законам долга и чувств Вэй Ин действительно должен был навещать те места.

В этот момент по другой тропинке к ним приближалась еще одна группа людей. Все оглянулись, и брови Цзян Чэна сошлись на переносице:

Не Хуайсан? Какими судьбами он здесь?

Я проследила за его взглядом: так вот он какой, Не Хуайсан! Точеные черты лица, простодушное и рассеянное выражение, воплощение полной безмятежности. Если бы не прочитанная книга и знание о том, насколько он на самом деле расчетлив и хитро́н, меня бы тоже легко провели этой маской. Неудивительно, что во времена их учебы в молодости Вэй Усянь так легко сошелся с ним. Чего у него не отнять, так это внешности — недаром этот человек попал в список прославленных юношей, его лицу любой позавидует, родился он в современную эпоху, из него бы вышел идеальный айдол.

Заметив остальных, Не Хуайсан радостно припустил вперед мелкой трусцой, на ходу выкрикивая:

Брат Вэй! Брат Вэй, неужели это вы? Какая встреча!

Вэй Усянь шлепнул себя ладонью по лбу и тихо простонал:

Этот Не Хуайсан, сидел бы себе спокойно в Цинхэ, чего его понесло сюда шастать?

Когда тот приблизился, Вэй Усянь растянул губы в натянутой улыбке:

Брат Не, какими судьбами?

Не Хуайсан совершенно непринужденно закинул руку Вэй Усяню на плечо и, лениво покачивая веером, заговорил:

Брат Не, я тут услышал, что в Чаньяне есть диковинный чайный напиток, очень уж необычный, вот и решил заглянуть, попробовать, а тут такая удача — столкнулся с вами! Что я говорил в прошлый раз? Мы ведь еще обязательно встретимся, как в воду глядел! Ха-ха-ха!

Вэй Усянь с каменной миной выдавил из себя пару неловких смешков:

Хе-хе-хе, правда? Какое совпадение...

Он украдкой бросил взгляд на Лань Ванцзи. Заметив этот маневр, Не Хуайсан тоже проследил за его глазами, встретился взглядом с Ланем Ванцзи и тут же вздрогнул. Он мгновенно убрал руку с плеча Вэй Усяня, для вида заботливо отряхнул складки на чуждой одежде и, изобразив полнейшую невозмутимость, отвесил Лань Ванцзи почтительный поклон со словами:

Заклинательский Владыка.

Лань Ванцзи лишь слегка кивнул в ответ, не удостоив его лишними словами.

Не Хуайсан обвел взглядом собравшихся:

Давно мы все не собирались вместе в таком составе! Судя по вашему виду, вы ведь не просто прогуливанием окрестностей занимаетесь. Раз уж мы случайно сошлись, давайте я пойду с вами? Глядишь, и от меня какая-польза будет.

Цзян Чэн молчал. Цзинь Лин, хоть и носил титул главы клана Цзинь, среди присутствующих оставался младшим, и раз старшие молчали, ему полагалось держать язык за зубами.

Лань Ванцзи традиционно хранил молчание, а обычно разговорчивый и бойкий Цзинь И сегодня вел себя на редкость послушно, не вставив ни единого слова.

Атмосфера затянулась неловкостью. Единственным, кто мог вести беседу, оставался Вэй Усянь. Поморщившись, он виновато обратился к Не Хуайсану:

Брат Не, мы ведь идем изгонять нечисть, сам же видишь — мои духовные силы нынче слабы, сражаться могут только Лань Чжань да Цзян Чэн, к тому же нам нужно оберегать всю эту молодежь. Не то чтобы мы не хотим брать тебя с собой, просто боимся, что не сумеем защитить.

Не Хуайсан окинул взглядом всю компанию:

Ничего страшного, у меня свои способы самозащиты найдутся, обузой для вас точно не стану.

Видя, что Не Хуайсан настроен решительно, Вэй Усянь вздохнул:

Ладно, раз хочешь — иди. Только запомни: чуть что грозит опасность, прячься за нашими спинами и ни в коем случае не лезь на рожон.

Не Хуайсан улыбнулся. Точно такие же слова Вэй Усянь говорил ему когда-то на горе Дафань

при встрече со Станцующей Богиней. Его брат Вэй оставался все тем же преданным другом; пусть в прошлом, пытаясь отомстить за гибель старшего брата, Не Хуайсан и воспользовался им, он никогда не желал ему зла. А его брат Вэй по-прежнему был тем же искренним человеком, что и прежде.

Взглянув на потемневшее небо, Не Хуайсан нарушил затянувшееся молчание:

Уже поздно, давайте сначала найдем, где приткнуться на ночлег, а обо всем остальном поговорим по дороге.

Лань Ванцзи не сплехом первым и зашагал в сторону деревни, за ним тут же последовали Сычжуй и Цзин И. Не Хуайсан ухватил Вэй Усяня за рукав:

Пойдем-пойдем, я тут собирался рассказать тебе про тот самый чаньянский чай...

Цзян Чэн проводил взглядом эту парочку, шествовавшую рука об руку и увлеченно о чем-то болтавшую, с досадой покачал головой и зашагал следом за отрядом. Спустя столько лет Не Хуайсан и Вэй Усянь все так же прекрасно ладили — стоило им услышать о какой-нибудь новой диковинке, как они тут же забывали обо всем на свете. Вся остальная процессия дружно толпой двинулась вглубь деревни Юйлин.

Цзинь Лин тоже порывался пристроиться к компании Вэй Усяня, чтобы послушать интересные байки, но под суровым взглядом Цзян Чэна сник и послушно зашагал рядом со своим дядей.

Сычжуй и Цзин И с удовольствием присоединились бы к Вэй Усяню, но из почтения к строгости Ланя Ванцзи были вынуждены плестись позади него.

<http://bllate.org/book/19703/1937804>